

12+ **ЮЛИЯ КРЮКОВА**

**Твоя радость прячется
в последнем порыве твоей
скорби**

ИСТОРИЯ ИОВА
МНОГОСТРАДАЛЬНОГО

Юлия Крюкова

**Твоя радость прячется
в последнем порыве твоей скорби.
История Иова Многострадального**

«Издательские решения»

Крюкова Ю.

Твоя радость прячется в последнем порыве твоей скорби. История Иова Многострадального / Ю. Крюкова — «Издательские решения»,

Ситуация утраты самого ценного выбивает из колеи даже сильного духом. А если у тебя отняли не только любимых детей, богатство, успех, уважение и статус, но и здоровье, и будущее, и радость каждого дня? Всё это переживает главный герой Иов, названный Многострадальным. Но у праведного Иова крепкая вера и безграничное доверие Богу...

© Крюкова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Твоя радость прячется в последнем порыве твоей скорби	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

**Твоя радость прячется в
последнем порыве твоей скорби
История Иова Многострадального**

Юлия Крюкова

© Юлия Крюкова, 2026

ISBN 978-5-0070-2892-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Твоя радость прячется в последнем порыве твоей скорби

*Претерпевший же до конца спасется.
Мф.24:13*

**Аравия. Земля Уц.
II тыс. до Рождества Христова**

I

Жара отступала, день близился к завершению. Огненный шар солнца устремился в расщелины гор. Иов присел на камень, сохранивший тепло дня, окинул взором окрестности, равнину, где паслись его стада, и обратил лицо на запад, провожая взором уходящее солнце.

Мужчина удовлетворенно вздохнул. Сегодня тоже, как и в предыдущие дни, он сделал всё, чтобы угодить Богу. Дал распоряжение отвести овец вдове, оставшейся одной с маленьким ребёнком, принял странников, от души угостил их, вознёс всесожжения за всех своих детей, за семь сыновей и три дочери, к этой жертве добавил одного тельца, рассуждая в сердце о том, что, может быть, его дети согрешили в чем-то или ненароком похулили Бога. Да-да, он и сегодня сделал все правильно, ни в чём не погрешая, щедро делясь тем, что даровал ему Бог. В душе Иова царил мир, покой, благодное состояние тихой радости.

Запланированные дела на завтрашний день выстроились в чёткой последовательности. Но при этом Иов в любой момент был готов отказаться от своих намерений, если вдруг Господь посылал ему бедняка, сироту, вдову, странника, несправедливо обиженного, любого, кто нуждался в помощи и защите. Благородному мужу ничего не стоило изменить планы для того, чтобы оказать им милость и поддержать в трудных жизненных обстоятельствах.

Стрекотали цикады, лёгкий прохладный ветерок окутывал тело приятной свежестью, солнце почти скрылось за неровными краями гор, в сумерках зажигались хозяйские огоньки вечерней трапезы. Где-то невдалеке слышались звуки суетящихся слуг, выполнявших свою работу под чётким руководством жены Иова Цилы.

Мужчина ощущал в душе Божие присутствие, Его безграничную любовь. Самым главным желанием Иова было ни в чем не погрешить перед Богом, даже в малом и незначительном, не потерять той благодати, которой окружил его Господь, и которую влил в его сердце.

II

Тем временем где-то в горнем мире в сиянии всепронизывающего света Ангелы небесные предстояли перед Богом. Они закрывали свои лица, не в состоянии вместить поток непрерывной благодати. Меж ними был и Сатана. Он не прятал своего лица. Падший ангел не мог окунуться в благодать, исходящую от Господа, он добровольно отказался от неё ещё до сотворения мира и людей. Наделенный полномочиями и силой, он считал себя независимым от Бога, вполне самостоятельным и самодостаточным, и не понимал, что Творец сохраняет ему жизнь по Своей великой благодати. И делает Он это для того, чтобы люди, соприкоснувшись со злом, отвращались от него, выбирали путь добра, соединяющий с Богом, и тем самым обретали вечную жизнь в раю с Творцом.

И сейчас Господь только Ему ведомой силой привлёк Сатану к себе на разговор. Ибо у Бога был замысел об Иове. Но падший ангел ничего об этом не знал, он думал, что сам по своей воле слоняется туда и сюда, и вот даже с Ангелами добра может предстоять перед Богом.

Господь обратился к Сатане:

— Откуда ты пришёл?

— Я ходил по земле и обошёл её.

У Бога всё взвешено и точно, и нет ни одного лишнего или бесцельного ни намерения, ни действия, ни слова. Тем временем Господь продолжил:

— Обратил ли ты внимание на раба Моего Иова? Видел ли ты, что нет больше такого, как он на земле: непорочного, справедливого, богобоязненного и удаляющегося от зла?

Такими высокими характеристиками какого-то никчёмного человечешки Сатана был уязвлён в самую глубину его блистательной личности. Ему захотелось стереть в прах этого мелкого Иова, уничтожить его и всё его окружение, чтобы память о нём была смыта на века. Но для начала нужно хотя бы опорочить этого выскочку в очах Бога:

— Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли оградил его и дом его, и всё, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле. Но прости руку Твою и коснись всего, что у него, благословит ли он Тебя?

Господь увидел, что падший ангел полностью готов для исполнения Его замысла, и повелел:

— Вот всё, что у Иова, в твоей руке. Делай, что пожелаешь. Только на него самого не посягай.

Сатана немедленно отправился исполнить задуманное.

III

На следующий день, ближе к вечеру Иов, от души потрудившись, вновь вышел во двор своего дома и присел на любимый камень. Лицо хозяина было устремлено на восток, там возвышался дом его первенца. Сегодня очередь старшего сына устраивать пир. Обычно каждый из сыновей в свой день недели готовил ужин на всех, и приглашал всех своих братьев и сестёр.

Иов славился не только своей праведностью, но и богатством. У него было семь тысяч голов мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц, а также очень много прислуги. Этот человек был знаменитее всех сынов востока.

Взор Иова издалека заметил бегущего испуганного человека. Приблизившись к хозяину дома, тот замедлил шаг и в растерянности пал перед Иовом на колени. Сердце хозяина сжалось в предвестии некой неожиданной беды. Вестник доложил:

— Волы орали и ослицы паслись подле них, как напали Савеяне и всех их забрали себе. А отроков, которые пасли их, — мужчина низко склонил голову, — всех убили мечами. Спасся только один я, чтобы возвестить тебе о том, что случилось.

Душа Иова пришла в напряжение. Что происходит? Как действовать? Он вспомнил, что так бывало и ранее, нападали на скот, убивали отроков. Но свои люди всегда возвращали украденное, а за убитых пастухов окрестным племенам приходилось расплачиваться очень дорого.

Мысли хозяина перебил ещё один вестник, прибежавший с другой стороны, но также с плохим известием:

— Огонь Божий упал с неба, и опалил овец и отроков, и пожрал их. Один я сумел выбраться, чтобы рассказать, что произошло.

В сознание Иова врезались слова «огонь Божий». Огонь с неба... огонь Божий... «Чем я мог прогневить Господа моего?» — хозяин начал перебирать в уме возможные оплошности, прорехи. Но ничего из ошибок или недочётов не всплывало в его сердце. Более того, ведь только вчера Иов принес жертву в том числе за сыновей и дочерей, и Бог принял её.

Так рассуждая, мужчина не заметил третьего вестника, который сходу опустился на колени, низко склонив голову:

— Сыновья и дочери твои вкушали трапезу в доме первородного брата своего. И вот большой ветер пришёл от пустыни охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли. Выбрался только один я, чтобы свидетельствовать, как всё было.

Всё вокруг потускнело, потемнело для Иова. Горе с огромной силой прижало, придавило хозяина к земле. Он перестал ощущать день, солнечный свет, людей, сновавших вокруг. В знак траура мужчина разодрал свою верхнюю одежду, в слезах остриг голову, пал на землю и лежал в таком положении некоторое время.

В душе оставался лишь один непогашенный, не уничтоженный импульс. Это мысль, которая сопровождала Иова во все дни его сознательной жизни: «Господь — Бог мой и жизнь моя». И сейчас только эта мысль держала душу мужчины на краю погибельной пропасти. Вокруг толпились сочувствующие и безразличные, невдалеке рыдала убитая горем жена. Иов привстал, низко поклонился Богу. Все, кто стоял рядом, отчётливо услышали слова:

— Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь! Господь дал, Господь и взял! Как угодно Его воле. Да будет имя Господне благословенно!

И не было греха в словах Иова. Ничего неразумного о Боге он не произнёс.

IV

Тем временем Ангелы добра вновь собрались у Господа, и среди них Божиим промыслом оказался и Сатана. Он мог противиться воле Божией, как-то противостоять ей, вести независимый образ жизни лишь настолько, насколько это ему было попущено Творцом. А сейчас Бог призвал его к Себе.

Реализуя свой замысел об Иове, Господь вновь обратился к падшему Ангелу:

— Откуда ты пришёл?

— Я ходил по земле и обошёл ее.

— Обратил ли ты внимание на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он на земле. Человек он непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. Он и доселе твёрд в своей непорочности. А ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его безвинно.

Воспоминание о том, что Иов выдержал все испытания и ни в чём не обвинил Бога, взбесило Сатану. Ум начал работать с огромной скоростью. Что же ещё такого сделать этому ничтожному человечешке, чтобы, наконец, уничтожить его? А! Знаю! Догадка осенила падшего ангела. Тело то ведь Иова здорово. Сам он вполне себе чувствует неплохо.

— За жизнь свою человек отдаст всё, что есть у него. Но простри руку Твою и коснись кости его и плоти, сдери с него кожу, благословит ли он Тебя?

Господь ждал этих слов. Он незамедлительно отдал распоряжение Сатане:

— Иов в руке твоей. Только душу его не трогай. Тело же его в твоей власти.

Падший Ангел мгновенно скрылся с глаз Господа. В это время лютая проказа поразила тело многострадального Иова. От подошвы ног его до темени не осталось ни одного живого места. И вышел Иов за пределы селения, сел в пепел и стал очищать струпья куском черепицы. Слезы лились в золу, этой смесью мужчина скоблил свои раны.

V

Первые дни после страшной трагедии жена Иова Цила не могла ни встать, ни отдать никакого распоряжения. Смерть детей, потеря имущества, болезнь супруга напрочь подкосили когда-то бодрую, жизнерадостную женщину. Слуги разбежались, теперь о ней некому было заботиться. Женщина ходила по дому, как тень. Она с трудом воспринимала происходящее вокруг. И всё же помнила о муже, который, хоть и болен, но жив. Собрав силы, взяв кувшин с водой и залежавшуюся еду, Цила направилась навестить супруга.

Когда она приблизилась к гноищу, месту, куда ушёл её муж, увидела удручающую картину. Иов от головы до ног покрытый язвами, лежал на земле и тихо постанывал. Сердце жены наполнилось жалостью. Но у неё не было такой веры, как у супруга. Она не видела выхода из ситуации. Цила знала лишь одно: если бы Иов осудил Бога за случившееся, стал бы укорять Творца, то Господь непременно бы отнял у него жизнь. А если супруг жив, это означает, что у него нет ропота на Бога.

Но как можно вынести такие страдания, и страшную болезнь, и бесчестие, и предательство слуг? Смерть — вот выход! Да, да, непременно смерть! Зачем жить в таких мучениях без всякой надежды на лучшее будущее?

Не подходя слишком близко, Цила окликнула Иова. Тот повернулся, его глаза выражали страдание. Жена вложила в слова всю свою боль:

— Ты всё ещё твёрд в непорочности твоей! Похули Бога и умри!

Такая мысль была абсолютно чужда духовному устройству Иова. Если бы Бог хотел, Он бы давно забрал у него жизнь. Также супруг понимал, что нельзя просто смолчать, отвернуться, вновь окунуться в свою горе, отстраняясь от всего происходящего вокруг. Жена остаётся его женой. И он ответственен и за её внутреннее духовное состояние.

— Ты говоришь, как одна из безумных. Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Господь — Хозяин наш. Что посылает, то и приемлем.

Получив жёсткий отпор свои мыслям, Цила не имела больше желания говорить на эту тему и давать супругу совет к смерти. Она немного успокоилась, её внимание переключилось на обыденные, бытовые вещи. Женщина поставила кувшин с водой, оставила еду, сама же села поодаль, плача о своей судьбе и беспросветном будущем.

Иов же вновь ни словом, ни мыслью не согрешил перед Богом. Это видел взбешённый Сатана. У падшего Ангела зрел новый план, как привести к гибели этого сильного духом мужа.

VI

Когда Иов жил в богатстве, слыл могущественным, успешным и авторитетным, многие сильные мира сего стремились подружиться с ним. Он же никому не отказывал, но старался водиться только с праведными, достойными людьми, испытывающими трепет перед Богом. Три друга Иова Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейянин и Софар Наамитянин, каждый в своём имении, получили печальные вести о всех несчастьях, постигших их брата. Понимая, что случилось нечто страшное и трудно объяснимое, никто из них не рискнул направиться к Иову в одиночку. Но и оставаться в стороне от такой беды они тоже не могли. Сговорившись, они сошлись и вместе пришли к страдальцу своими глазами увидеть ужас всех бедствий, в которых оказался их брат.

Ещё издали они заметили некоего полуголого старика, сидящего невдалеке от кучи мусора. Никто из них не мог и предположить, что это и есть их друг, ради которого они здесь. Но, подойдя поближе, друзья узнали знакомые очертания лица, тело же Иова было покрыто кровоточащими струпьями. Эта картина так расходилась с их прежними представлениями о брате, что, поражённые до глубины души, они остановились, зарыдали вслух, разодрали свои одежды и стали бросать пыль над своими головами к небу. Это увидел Иов. Он понял, что братья сильно впечатлены тем, что произошло с ним, сочувствуют ему.

Тем временем Елифаз, Вилдад и Софар сели поодаль страдальца и семь дней и ночей в молчании приходили в себя. Им было важно осмыслить эту ситуацию, разобраться в ней, понять, что происходит. Никто из них не начинал разговор первым. У них не было утешительного слова для Иова, они не понимали смысл его страданий, эта ситуация никак не вписывалась в их мировоззрение.

Видя замешательство друзей, Иов открывает уста первый. Он обнаруживает перед братьями всю силу своих мучений. Лучше бы он никогда не родился, чем так жить и страдать.

— Погибни день, в который я появился на свет, и ночь, в которую я зачелся. День тот да будет тьмой, и да не воссияет над ним свет, пусть омрачит его темнота и тень смертная, и он исчезнет перед лицом Бога. И ночь та да не сочтётся в днях года, да не попадёт в число месяцев. И да будет она безлюдна, и не войдёт в неё веселие. Да померкнут звёзды рассвета её. Пусть ждёт она света, и он не приходит.

Такой же мрак ночи был и в душе Иова. И ни один светлый лучик не проник туда, чтобы разогнать эту темноту. Сейчас мужчина мог переживать лишь страдание:

— Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда появился на свет из чрева? Зачем приняли меня колени? Зачем мне было вкушать молоко из сосцов? Теперь бы лежал я и почивал, спал и мне было бы покойно вместе с царями и могущественными мира сего, или с князьями, которые наполняли свои дома золотом и серебром.

Иов ощущал сильную и телесную и душевную боль. И не видел иного выхода из сложившейся ситуации, кроме как просто никогда не быть:

— Лучше мне, как выкидыш сокрытый, не существовать вовсе, как младенец, не увидевший света, покоиться в ином мире. Там незаконные перестают наводить страх, там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника. Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего. На что дан страдальцу свет и жизнь огорчённым душою? Некоторые ждут смерти, и нет её, они вырыли бы её охотнее, нежели клад. Обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб. На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и кого Бог окружил мраком? Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода. Ибо ужасное, чего я боялся, постигло меня. И чего я убегал, то пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады, постигло меня глубокое несчастье.

VII

Друзья внимательно слушали, их взоры были направлены вниз к земле. Они могли понять и где-то даже разделить глубину горя, но совершенно не разумели подлинный смысл ситуации, в которой оказался Иов. Основа происшедшего с их другом была скрыта от них. Опытные мужи ничем не могли утешить страдальца. Их ум блуждал в рамках представлений, с которыми они привыкли жить. Если постигли тебя бедствия, значит ты грешник. Вот мы не грешили, и мы здоровы. Ответ Иову вырвался из самых глубин их душ. Первый взял слово Елифаз:

— Если попытаемся мы обратимся к тебе, не тяжело ли будет тебе? Впрочем, кто может возбранить слову? Вот ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал, падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. А теперь дошло до тебя, и ты изнемог. Коснулось тебя, и ты упал духом. Почему богобоязненность твоя не стала тебе надеждой? И непорочность путей твоих — упованием твоим?

Сам Елифаз, как ему кажется, знает ответ на этот вопрос. Это же так очевидно. Потому что Иов где-то в чем-то явно или скрыто согрешил. Если бы Иов был непорочен, разве стал Господь насыпать на него такие бедствия? Вот мы чтим Бога, и у нас всё в порядке в жизни. Тем временем Елифаз продолжил:

— Вспомни же: погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы?

Тень сомнения пробежала в сердце Иова. Так ли верно говорит его друг? Образы невинно убиенных, несправедливо умученных, сирот, вдов промчались в душе праведного мужа. И завершал этот ряд лик смиренного Авеля, убитого из зависти рукой своего брата Каина. Из уважения к другу Иов не стал перебивать его речь и вступать в спор, дал возможность продолжить свою мысль.

— Видел я: сеявшие зло — пожинают его. От дуновения Божия погибают и исчезают от духа гнева Его. Рёв льва и голос рыкающего умолкает, могучий лев погибает без добычи, и дети львицы рассеиваются. Однажды ко мне тайно принеслось слово, и ухо моё нечто приняло от него. Ночной ужас объял меня, и трепет потряс все кости мои. И дух прошёл надо мной. Дыбом стали волосы на мне. Я не распознал вида его, только облик был перед глазами моими, я почувствовал тихое веяние и вот слышу голос: «Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли Творца своего?»

Иов не протестовал, он знает, так и есть, человек всегда грешен перед Господом. И дистанция между человеком и Богом — непреодолимо безмерна. Иов не питал иллюзий о

своей абсолютной безгрешности. Елифаз же, наоборот, рассуждая о греховности всех людей, приписывал её, в первую очередь, не себе, а Иову. Его глубинный порыв души — заставить брата признаться во всех тайных проступках.

— Господь и слугам Своим не доверяет, и в Ангелах усматривает недостатки. Тем более видит их в людях, в обитающих в храминах из брения, основания которых прах, они истребляются скорее моли. Между утром и вечером они распадаются, не увидишь, как они вовсе исчезнут. С ними погибают и их достоинства. Они умирают, не достигнув лет насыщения.

Елифаз был абсолютно уверен в своей мудрости. Он считал, что единственный выход для Иова — замолчать, признать свою неправоту и греховность, покаяться перед Богом и в Его руки предать своё дело.

— Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты? Пойми, не просто так Господь дал наказание тебе. Так, глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность. Видел я, как глупец укореняется, и тотчас проклял дом его. Дети его далеки от счастья, их станут бить у ворот, и не будет заступника. Жатву его съест голодный, и жаждущие поглотят имущество его. Так не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда. А человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх. Но я к Богу обратился бы, предал бы дело моё Господу.

Довольный собой и своей красочной речью, Елифаз в задоре продолжил:

— Бог творит дела великие и неисследованные, чудные без числа, даёт дождь на лице земли и посылает воды на лице полей. Униженных поставляет на высоту, и сетующие возносятся во спасение. Он разрушает замыслы коварных, и руки их не довершают предприятия. Он уловляет мудрецов их же лукавством, и совет хитрых становится тщетным: днём они встречают тьму и в полдень ходят ощупью, как ночью. Он спасает бедного от меча, и есть несчастному надежда, и неправда затворяет уста свои. Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания вседержителя не отвергай. Ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их. Он поражает, и Его же руки врачуют. В шести бедах спасёт тебя, и в седьмой не коснётся тебя зло. Во время голода избавит тебя от смерти и на войне от руки меча. От бича языка укроешь себя и не убоишься опустошения, когда оно придёт. Зверей земли не убоишься, ибо с камнями полевыми у тебя союз, и звери в мире с тобой. И узнаешь, что шатёр твой в безопасности, и будешь смотреть за домом твоим и не согрешишь. И увидишь, что семя твоё многочисленно, и отрасли твои, как трава на земле. Войдешь в гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в своё время. Вот что мы дознали, так оно есть. Выслушай это и замечь для себя.

VIII

Иов сидел молча, склонив голову к земле. То, что могло хоть на каплю уменьшить его страдания, так и не случилось. Елифаз не сопереживал, он просто апплицировал своё видение ситуации на Иова. И от этого угнетённому было ещё тяжелее. И всё же благородный муж ещё раз попытался донести до друзей глубину своих переживаний:

— О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание моё! Оно верно перетянуло бы песок морей. Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы Вседержителя во мне, яд их пьёт мой дух, ужасы Божии ополчились против меня. До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою.

Погружённый в пучину страданий Иов испытывал естественное желание выйти из них, выключится, перестать ощущать их действие.

— О если бы благоволил Бог сокрушить меня, простёр руку свою и сразал меня! Это было бы ещё отрадою мне, и я крепился бы в моей беспощадной болезни, ибо я не отвергся изречений Святого. Разве есть во мне сила, чтобы надеется мне на нечто лучшее? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою? Твёрдость ли камней твёрдость моя? И медь ли плоть

моя? Есть ли во мне помощь для меня и есть ли какая опора? К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю.

Иов понимает, что он слаб и немощен, и нет в нем крепости, чтобы долгое время переносить всё, что случилось с ним. Пока ещё он не отвергся Бога и заветов Его, но силы на исходе. Может быть, друзья могли бы поддержать его? Но нет, они испугались ситуации и побуждают брата признаться в грехах, чтобы как-то умалить свой страх.

— Братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи, которые черны от льда и в которых скрывается снег. Когда становится тепло, они умяются, а во время жары исчезают с мест своих. Уклоняют они направление путей своих, заходят в пустыню и теряются. Смотрят на них надеющиеся, но остаются пристыженными в своих ожиданиях. Так и вы теперь ничто: увидели страшное и испугались. Разве прошу «дайте мне» или «от достатка вашего заплатите за меня, и избавьте меня от руки врага, и от мучителей выкупите меня»? Научите меня — и я замолчу. Укажите, в чём я погрешил?

Может друзья всё же услышат Иова? Преодолеют свой страх, прикоснутся к брату если не объятием, то хотя бы душой. Попытаются вникнуть в глубину его беды?

— Вы придумываете речи для обличения. Но что доказывают нападки ваши? На ветер пускаете слова. Нападаете на сироту и роете яму другу вашему. Но прошу вас, взгляните на меня, буду ли я говорить ложь перед лицом вашим? Посмотрите, есть ли неправда? Пересмотрите! Правда моя! Нет на языке моём обмана.

Не находя опоры в друзьях, Иов поднимает очи вверх, к небу, его душа обращается к Богу:

— Не определено ли человеку время на земле? И дни его не то же ли, что и дни наёмника? Как раб жаждет тени, так и наёмник ждет окончания работы своей. Так я получил в удел месяцы суетные, и ночи горестные отчислены мне. Тело моё одето червями и пыльными струпами, кожа моя лопается и гноится. Дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды. Вспомни, что жизнь моя — дуновение, что око моё не возвратится видеть доброе. Очи Твои на меня — и нет меня. Редееет облако и уходит. Так нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свои, и место его не будет уже знать его. Не буду же я удерживать уст моих, стану говорить в стеснении духа моего, буду жаловаться в горести души моей. Когда подумаю: утешит меня постель моя, унесёт горесть мою ложе, Ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня. И душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои суета. Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твоё? Посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его? Доколе же Ты не оставишь, доколе не отойдешь от меня, доколе не дашь мне проглотить слюну мою? Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так, что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? Ибо вот, я лягу в прахе, завтра поищешь меня, и нет меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.